

ДЖАТАКА О ЧУДДАБОДХИ

Гнева обузданием врагов смиряем мы и возбуждаем их - противным. Вот как об этом назидательно повествуется.

Однажды великосущный Бодхисаттва принял в сем мире рождение в одном великом брахманском роде, который широко прославился благодаря величию своих упражнений в добродетели, обладал значительным богатством, был уважаем царем и любим богами.

С течением времени он вырос, над ним были исполнены священные обряды, и вследствие постоянного упражнения в добродетели учения его имя скоро стало славно на собраниях ученых мужей.

1. Ученых слава на собраниях ученых расцветает, как сокровищ слава среди знатоков сокровищ, а героев слава - в битвах.

Благодаря знакомству с отречением от мира, проникновенному познанию закона, приобретенному в предшествовавших рожденьях, и уму, просветленному мудростью, эта великая душа не находила услады в доме.

И вот он покинул земные блага за тьму вражды, раздоров, тщеславия и мерзости, за их зависимость от царя, воров, воды, огня и неприятных родственников, за то, что они вызывали в нем неудовлетворенность и были преисполнены многочисленных грехов, отбросил их из любви к душе своей, как пищу, к которой примешан яд. Отказавшись от красоты волос своих и бороды и облачившись в выцветшее желтое платье, он отбросил обольщение домашней одежды и обратился к свету обетов и установлений отшельнической жизни. Из преданной любви к нему его супруга обрезала волосы и без всяких украшений на теле, украшенная только сиянием естественной прелести и добродетелей своих, облекшись в желтое платье, собралась отправиться за ним в пустынь. И Бодхисаттва, видя ее намерение - последовать за ним для отшельнической жизни и зная несоответствие нежности женщины с пребыванием в лесной пустыни, сказал ей:

«Милая, ты преданности глубину уж проявила, поэтому оставь свое намерение последовать за мной. Тебе приличествует жить там, где обитают отшельницы другие. Ведь жительство в лесу сопряжено с трудом великим. Смотри:

2. На кладбищах, в заброшенных домах, в горах, в лесах, зверями дикими кишасших, отшельники, лишенные приюта, после захода солнца где придется на ночь остаются.

3. И, к созерцанию стремясь, обычно в одиночестве они живут; даже от вида женщин их сердца отвращены; поэтому ты помысли направишь на возвращенье. Что пользы для тебя от сих скитаний?»

Она, принявшая твердое решение последовать за ним, со слезами, выступившими на глазах, сказала ему приблизительно следующее:

4. «О, если б мысль возникла у меня, что я устану от счастья тебя сопровождать, то разве я тогда б себе страданья причиняла и неприятное тебе, скажи?»

5. Но так как я не в состоянии жить, тебя лишившись, ты должен мне простить, что не исполню повеление твое».

Дважды, трижды он обращался к ней с такими речами, и, когда она все же не захотела возвратиться, Бодхисаттва молчаливо допустил ее следовать за собой.

Сопровождаемый ею, как чакравака своей чакравакой, он проходил деревни, города, селения. Однажды в какой-то уединенной восхитительной лесной местности, украшенной чудными зарослями различных деревьев с густой тенью, как бы ласкаемой проглядывавшими кое-где лучами солнца, нежными, как лучи луны, и где поверхность земли была покрыта пылью различных цветов, он после полудня предавался созерцанию. Вечером, выйдя из глубокого сосредоточения мысли, он стал сшивать лохмотья одежды. И отшельница невдалеке от него, украшая собою подножие дерева, словно божество, блистая своей красотой, предавалась созерцанию, сосредоточивая внимание, как он ее учил.

И тамошний царь, посещая рощи, украшенные пышно разросшимися побегами, рожденными весной, наполненные жужжаньем пчел, роями носившихся в воздухе, оглашавшиеся радостными криками кукушек, изобиловавшие чарующими водоемами, украшенными смеющимися цветами лотосов и водяных лилий, освежавшиеся приятным ветерком, напоенным ароматом и благоуханием различных цветов, прибыл в эту местность.

6-7. Леса там доставляли радость сердцу. Они чудеснейшим ковром цветов блистали, что выткала для них красавица-весна, там раздавались крики громкие павлинов и самцов кукушек, поверхность водоемов цветами лотосов усыпана была, и на лужайках пробивалась нежная трава, и слышалось жужжанье опьяненных пчел в местах веселых игр любовных.

И царь, почтительно приблизившись к Бодхисаттве, после взаимных приветствий сел возле него в стороне. Увидев ту прелестную отшельницу, он, с сердцем, пораженным ее дивной красотой, подумал: «Это, должно быть, последовательница его во святом законе» - и по своей легкомысленной натуре стал размышлять о способе похитить ее.

8. Он слышал о могуществе подвижников, в пламени гнева сжигающих проклятьями, и потому, хоть страсть ослабила в нем твердые устои, он не осмелился неуваженье проявить.

У царя явилась мысль: «Нужно узнать могущество его подвижничества, тогда и можно поступить надлежащим образом, но не иначе. Если его сердце доступно для страсти к этой женщине, то, очевидно, в нем нет силы подвигов, а если он свободен от страсти и мало внимателен к ней, то в нем должна быть эта великая сила подвигов». Поразмыслив так, царь, стремясь узнать силу подвигов Бодхисаттвы, словно желая ему добра, обратился к нему с такими словами:

«Послушай-ка, отшельник, в этом мире немало есть коварных насильников; не следует тебе жить в этих глухих лесах с этой твоей прекрасной последовательницею во святом законе. Если кто-нибудь забудется по отношению к ней, то, несомненно, и тебя будут осуждать. Подумай:

9. Ведь если кто-нибудь в такой пустыне, презрев святой закон, а вместе с ним тебя, столь обессиленного подвигами, насильно бы ее увел, что оставалось бы тебе, кроме печали?

10. Предавшись гневу и терзаясь сердцем, поправ святой закон, ты погубил бы славу. Так лучше пусть она живет среди людей; к чему подвижникам соседство женщин?»

Бодхисаттва сказал:

«Правду сказал государь! Однако же следует тебе услышать, что я сделал бы при таких обстоятельствах.

11. Кто явится противником моим в приливе наглости или по глупости, тот несомненно, пока я жив, уйти не сможет, как пыль от облака, поток воды несущего».

И царь подумал: «Он очень внимателен к женщине и, значит, лишен силы подвигов», и, презирая Великосущного, он, не боясь опасности с его стороны и находясь во власти любовной страсти,

приказал слугам, назначенным надзирать за женщинами: «Идите и уведите эту отшельницу в мой дворец».

Услышав это, отшельница, словно настигаемая хищным зверем лесная лань, с выражением страха и смущения на изменившемся лице, с глазами, затуманенными слезами, прерывающимся от муки голосом пролепетала такие слова:

12. «Для мира, пораженного страданием, прибежище, отец.- земли владыка; кому ж он сам несчастье несет, кого тот призовет себе на помощь?»

13. Увы! Покинули уж должности свои хранители миров, или их больше нет, или они во власти смерти, так как спасти несчастных не стремятся? Да и святой закон, я думаю, теперь лишь звук пустой!

14. Да что богам до этого, когда владыка, не тронутый моей судьбой, хранит молчанье; а следует ведь и чужого даже защитить, когда элодеи с ним обращаются жестоко.

15. «Погибни!» - если бы такой проклятья молнией коснулся он скалы, то от ее твердыни остались бы одни воспоминанья; а между тем молчит он, хоть оказалась я в таком ужасном состоянии. Вот до чего я дожила, несчастная!

16. Или плохая если я, не стала разве более достойной сострадания, в подобное несчастье впав? Да разве сострадательное отношение к страждущим не путь подвижников святых?

17. Я опасаясь, что даже и теперь в твоей душе живет воспоминание о том, что не вернулась я, хоть ты и отсылал меня обратно, что даже неприятным для тебя путем хотелось мне приятного достигнуть. Увы, за то мне каково теперь!»

И вот отшельницу, которой оставалось только рыдать и изливаться в таких жалостных сетованиях, люди царя, по его приказанию, посадив на колесницу, увезли во дворец на глазах Великосущного.

Бодхисаттва же, подавив силу гнева силою своего спокойного размышления, так же как и прежде невозмутимо и с ясной душой сшивал свои лохмотья. И царь сказал ему:

18. «Негодованием и гневом были полны слова, проникнутые силой, которые ты громко произнес. Теперь же, видя, как уводят ту прекрасноликую, бессильем опечаленный, спокойствие хранишь?»

19. Так покажи же рук своих великий гнев или могущество, накопленное подвигами! Ведь тот, кто, сил своих предела не учтя, без основания что-либо обещает, тот более сиять не может!»

Бодхисаттва сказал:

«Знай, великий царь, что не напрасно даю я обещанья!»

20. Кто в этом случае противником мне был, как ни старался он, не получил свободы от меня, и силой я привел его к спокойствию; поэтому я не напрасно обещал».

И царь, почувствовав глубокое уважение к добродетели подвижника, вызванное спокойствием, свидетельствующим о поразительной твердости Бодхисаттвы, впал в раздумье: «Так говоря, этот брахман мыслил что-то другое; и мы по незнанию опрометчиво допустили ошибку». Размышляя так, он обратился к Бодхисаттве:

21. «Но кто другой был твой противник, который всем стараньям вопреки не скрылся от тебя, как не уходит пыль, поднявшись вверх, от тучи? Кто приведен к спокойствию тобой?»

Бодхисаттва сказал: «Слушай, великий царь.

22. Когда родится он-мешает видеть, коль не родится - видят хорошо, и мной он не был выпущен; то - гнев, своих носителей губящий.

23. Тот, чье рождение доставляет радость зла жаждущим, мной не был выпущен; то - гнев, врагов веселье!

24. При появлении которого и дело доброе не начинается, тот, слепоту несущий, гнев, о царь, я угасил!

25. Им побежденные теряют счастье и даже благо, достигнутое раньше. Тот гнев, жестокому чудовищу подобный, уже рождавшийся во мне, я сокрушил вконец.

26. Как из сухого дерева, которое мы трем, огонь является ему на гибель, подобным образом от ложных представлений в душе у нас ей на погибель гнев родится.

27. И кто не угашает сердца пламя - свой гнев, когда он запылает, как огонь,- того исчезнет слава вместе с мыслью, что недостойн он, как лотосов ночных подруга, Луна сияющая, на рассвете исчезает.

23. Как на врага на гнев кто смотрит, дурного поведения других не замечая, того и слава, несомненно, расцветет, как месяца растущего краса.

А вот еще и другой великий недостаток гнева:

29. Не блещет он и украшеньями осыпанный: ведь гнева пламя уносит красоты сиянье, и в сердце, гнева острою стрелой пронзенном, страдание мы видим, хотя бы этот человек покоился на драгоценном ложе.

30. Забыв благоприятную для счастья сторону, от гнева человек идет путем неправым, лишаясь через то награды - славы, подобно месяцу, который в темной половине свою красу теряет.

31. От гнева он бросается в погибельную пропасть, хоть удержать его пытаются друзья; обычно в глупую вражду вступает: ведь ослабевший разумом не различает, где добро, где зло.

32. И в гневе отдаваясь злым деяньям, оплакивает их среди бедствий сотни лет. Что больше этого враги могли бы сделать, хотя бы, злобой возбужденные, стремились причинить жестокий вред?

33. Наш гнев - враг внутренний, я знаю это. Какой же муж захочет выносить распространение наглости его?

34. Поэтому не выпустил я гнев, хотя он бьется в сердце; как можно посмотреть врага, который вред такой приносит».

И царь, умиленный душою этим дивным, проникнутым высоким спокойствием, хватающим за сердце словом, сказал:

35. «Достойна твоего спокойствия великого такая речь! Зачем быть многословным? Я обманулся, не поняв тебя!»

Воздав ему таким образом хвалу и приблизившись к нему, он пал к его ногам и признался в своем грехе. И, попросив прощения у отшельницы, он отпустил ее; себя же самого предложил Бодхисаттве в слуги.

Таким-то образом, «гнева обузданием врагов смиряем мы и возбуждаем их - противным»; помня об этом, следует прилагать усилия к преодолению гнева.

[«Так беззлобием смиряют злобу и благодаря самообладанью злоба не разрастается; так укротивший гнев действует обоим на пользу». В применении к таким и им подобным сутрам, предназначенным для восхваления терпения, должно рассказывать это; также в проповеди о греховности гнева и о величии Татхагаты.]